

Аджигова Ая Магомедовна

методист

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

г. Назрань, Республика Ингушетия

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ИНГУШСКОГО ОБЩЕСТВА

***Аннотация:** в данной научной статье исследователем показано, как Советский центр вывел взаимоотношения с ингушским обществом на качественно иной уровень.*

***Ключевые слова:** Ингушетия, общество, ингуши, казачество, культура, клан, горцы, элита, власть.*

В 20-е гг. советская власть придала новый импульс социально-экономическому и культурному развитию горских народов. С одной стороны, социальная структура ингушского общества эволюционирует с учетом изменений экономической конъюнктуры, с другой – власть растит новую ингушскую элиту, которая и регулирует социальные процессы в Ингушетии.

Некоторые «работники центра» оценивали горцев, как и прежде, «дикими племенами». Так, в сентябре 1920 г. некто Белецкий докладывал: «Ориентация – на казаков и русское население, как наиболее устойчивое, культурное и более способное к советизации, чем дикие горские племена... Имея прочные организации среди казачества, для центра будет обеспечена грозненская нефть..., а со временем и горские племена приобщатся к общему руслу» [1, с. 78].

Всплеск рождаемости в 1922–1923 гг. «после голода и гражданской войны» [2, Л. 48] требовал проведения перспективной и адекватной социальной политики. Но классовый подход большевиков учитывал интересы только одной части населения, хоть и более многочисленной, что было чревато обострением антагонизма с другой частью населения.

«Модернизация социально-экономической жизни общества шла параллельно с консервацией традиционного уклада, клановых, племенных отношений... наци-

ональная элита, выпестованная Советской властью, сформировала номенклатурную систему реализации властных отношений, адаптировав ее к иерархии по «кланам» и «родам». Традиционное общество сочетало авторитаризм с патернализмом, социальной справедливостью и коллективизмом, и большевики учитывали это при формировании органов управления» [3, с. 290].

Укрепление Советской власти и авторитет партии зависел от влияния местных партийных ячеек. В 1924 г. Ингушская областная парторганизация насчитывала 250 членов и кандидатов в члены партии, в 1925 г. ее состав практически удвоился, достигнув 467.

Особое внимание советская власть уделяла раскрепощению» и вовлечению женщин в производство, так как после череды войн и революций доля трудоспособных мужчин резко сократилась. При всей сложности этой работы в центре, в национальных регионах это было трудно втройне, ввиду особенностей их традиций, религии, быта.

Первым шагом Горской республики в этом отношении стало постановление ее ЦИК от 12 мая 1923 г. о «раскрепощении» женщин горянок, установившее «полное равноправие женщин и мужчин [4, с. 238]. Но реальная работа началась, когда краевой Женотдел направил в Ингушетию специалиста Изабеллу Водовозову с опытом работы в Дагестане [5, с. 127].

Для горянок организуются женские клубы, сочетавшие культпросветработу с профессионально-техническим обучением, способствуя их самоопределению. Осенью 1926 г. в стране работало 87 женских клубов, в т.ч. в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечне и Ингушетии. Клуб горянок с. Базоркино во главе с Т. Цечоевой организовал ткацкую школу, кружок рукоделия, пункт ликбеза [6, с. 106–107].

Клубы развивали общественные и культурные навыки горянок, содействовали их переходу к экономической и бытовой независимости, самостоятельности и взаимной поддержки, улучшению быта, организации детских садов и яслей и т.д. [7, Л. 34].

Клубы развивали общественную активность горянок. В 1926–1927 гг. участились обращения ингушек за помощью к властям: «по уголовным вопросам – 399, по ограждению от родительского своеволия – 57, по поводу развода – 124, о врачебной помощи – 687». Они стали опорой Женотделов и Женсоветов. Если в 1925–26 гг. членами сельсоветов в Ингушетии было избрано 55 женщин, то в 1928–29 гг. – 169 [7, с. 28].

Уровень жизни сельчан зависел от областной власти. Они считали, что «надо выбирать партийца», способного решать в областном центре вопросы своего села. На деле многие коммунисты неграмотные и пассивные, не могли «управлять советами и кооперацией». Районные организации курировали из области – «товарищи приезжают, проводят заседания вместе с Советом и принимают решения».

Многие горцы вступали в партию по карьерным соображениям, добиваясь «административной работы». Поэтому, «вся верхушка» состоит из националов. Инженеры, техники, врачи, машинисты – приглашенные. В этом отношении мы со своей задачей как будто справились». К 1927 г. из 513 коммунистов Ингушетии осталось 129 (25,1%) «азбучно неграмотных» [8, Л. 40].

От уровня культуры и сознания национальной элиты зависело развитие ингушской автономии, которое прошло ряд этапов. «Коммунисты Ингушетии отвергли в 1922 г. первоначальный проект объединения с Чечней, грозивший обострением межнациональных отношений. Но распад Горской республики в 1924 г. ускорил необходимость создания своей автономии» [9, с. 136].

В 1924 г. в результате национально-государственное размежевание народы Северного Кавказа получили права автономии. «Положение» ВЦИК об их правах предусматривало самостоятельность в вопросах внутреннего управления, образования, судостроительства, здравоохранения, социального обеспечения, земельных, местного хозяйства и бюджета. Главной задачей являлась ликвидация неграмотности и перевод делопроизводства госорганов на местные языки [10, Л. 5].

При формировании советской национальной элиты и местного управления повторялись издержки прежнего режима. В 1924 г. ингуши жаловались, что

«уменьшились гарантии прав личности и имущества ингушей. Принцип индивидуальности карательных мер сплошь и рядом нарушается... Просим расширить деятельность суда и закона» [11, с. 186.]

Но власть не успевала реагировать. В 1924 г. возникли острые трения между ингушами и хевсурами. Последние пытались «выжить соседние ингушские аулы и завладеть их пастбищами, землями». Ингуши, не надеясь на власть, хотели сами уладить вопрос путем переговоров и заключения народного мира» [12, с. Л. 87].

Темпы социального расслоения села не устраивало советскую власть. Совместное совещание Президиума Ингушского облисполкома и представителей Северо-Кавказского крайисполкома в декабре 1925 г. отметило «отсутствие в плане развития сельского хозяйства дифференциации крестьянства, что не отражает действительное соотношение групп ингушской деревни» [13, с. Л. 19].

В 1926 г. отмечалось, что батраки не представлены в советах, окружных исполкомах и облисполкоме «Среди них широко развито скрытое батрачество, эксплуатируемое богатыми родственниками под видом близких родных» [14, Л. 258].

В 1927 г. число хозяйств без посевов выросло до 5%. За 2 года на 6% увеличилось число бедняцких хозяйств с 2 дес. посева сократилось на 40,6%. Выросло число хозяйств, имеющих от 2 до 8 дес. посева – 53,5% (за 2 года на 4%). Хозяйства, имеющие свыше 8 дес. посева за 2 года утроилось с 0,3% до 0,9%. 7% хозяйств вообще не имели скота. 17,6% не имели рабочего скота. 59,4% имели 1 голову рабочего скота. 20,7% имели 2 головы скота. Лишь у 2% хозяйств было 3 головы скота, а 0,3% имели 4 и более голов [15, Л. 28].

В ауле ширится аренда земли на кабальных условиях под прикрытием родовых связей. Основную массу батраков составляют дагестанцы, ногайцы, русские. Нередко батрак через 1–2 года выгоняется на улицу. Вместо зарплаты им угрожают кровной расправой, если он пожалуется. Суды, советы и профсоюзы не защищают интересы батрака» [16, Л. 28–29].

Отмечен быстрый рост батрачества за счет пришлого элемента. На фоне безработицы в ауле оживился бытовой бандитизм. Но изменилось отношение к службе в армии: «она стала рассматриваться, как средство поглощения излишка свободных рук» [17, с. 543].

В октябре 1922 г. крайком партии наметил меры по развитию культуры: «подъем дела просвещения, используя национальную интеллигенцию; организация школ, ликвидация безграмотности, создание письменности и т. д. и т. п.; привлечение в совпартшколы и на курсы молодежи Чечни, Ингушетии и т. д.» [18, с. 86].

В связи с этим была поставлена задача: создание новой светской школы для воспитания молодежи на коммунистических принципах; и ликвидация массовой неграмотности для установления взаимопонимания и диалога власти с населением. Первым заметный шаг в этом отношении – введение национальной письменности.

ЦИК Горской республики издал 24 августа 1922 г. декрет о введении латинской графики «во все школы горских народностей – осетин, чеченцев и ингушей азбуку родного языка... В основу (алфавита) азбуки взять графику на латинской основе...» [19, с. 70]. Председатель Ингушского окрисполкома заявил, что выход ингушской азбуки и газеты в 1923–1924 г. поставил школу в «центр общественного внимания» [20, с. 223].

Но «в период гражданской войны вся школьная сеть была уничтожена, а имущество расхищено». В июле 1921 г. в Ингушетии работали 23 школы на 1700 учащихся, 45 учителей, из них 12 ингушей. Преподавали на русском языке. Позже Ингушский облисполком уточнил эти сведения [21, с. 223].

Таблица 1

Сеть школ в Ингушской АО		
1921–1922 гг.	5 школ	150 уч-ся
1922–1923 гг.	8 школ	226 уч-ся
1923–1924 гг.	10 школ	652 уч-ся

Поэтому открытие каждой новой школы в Ингушетии становилось событием в культурной жизни области [22, Л. 8].

Таблица 2

Динамика сети школ в Ингушской АО			
1924–1925 гг.	14 школ	1137 уч-ся	7,0%
1925–1926 гг.	23 школы	1903 уч-ся	10,6%
1926–1927 гг.	30 школ	3124 уч-ся	18,5%

Несмотря на очевидный рост грамотности, Ингушетия с планом не справилась и отставала от своих соседей [23, с. 56–57]. И причина была не в пресловутой «дикости» народа. Кроме банальной нехватки кадров, финансов и учебников, культпоходы совпали с переселением 5/6 ингушей на плоскость, когда вопросы жизнедеятельности каждой семьи объективно выходили на первый план в ущерб ликбезу. Поэтому, в очередной раз объявили новый культпоход для «завершения ликвидации неграмотности к 1 мая 1933 г.» [24, с. 119].

С ростом грамотности росла и потребность в библиотеках. Если в стране в 1926 г. их сеть выросла на 5,8% [25, с. 142], то в автономиях Северного Кавказа – почти в 4 раза больше. В Кабардино-Балкарии она насчитывала 16 библиотек, Чечне – 17, Ингушетии – 26, Северной Осетии – 43.

В 1924 г. начал функционировать Ингушский музей, начало работать Архивное бюро Ингушетии, которое возглавил ингушский просветитель и общественный деятель А.Т. Ахриев.

В 1920–1926 гг. во Владикавказе находился Северо-Кавказский институт краеведения, проводивший исследования на территории всего края.

Индустриализация и особенно коллективизация подстегнула введение всеобщего обучения в 1930–1931 гг. У Ингушетии его сроки были сдвинуты на год позже, в 1931–1932 гг. В 1930 г. из 2856 учащихся школ 1-й ст. Ингушетии на родном языке обучались только 39% [25, Л. 7].

Благодаря помощи центра в 1931–1933 гг. Ингушетия получила десятки новых дипломированных специалистов: 42 инженера, 43 техника 48 агрономов с высшим и 146 – со средним образованием, 189 рабочих [26, Л. 41].

За короткий срок Ингушский научно-исследовательский институт издал к 1930 г. 3 тома трудов по проблемам геологии, археологии, ботаники, медико-биологии. Были установлены научные связи с Чеченским научно-исследовательским институтом.

К 1927 г. в области «где до революции ничего не было», была создана сеть лечебных учреждений: 2 больницы с 9 врачами, зубо-врачебный, малярийный, фельдшерский, туберкулезный и эпизотичный пункты, 4 районных санитарно-врачебных

пунктов, 2 консультации, 1 вендиспансер, 1 ветеринарный отдел с 2 ветеринарными врачами, 4 ветеринарных участка с 4 амбулаториями.

Вопрос об объединении автономии чеченцев и ингушей и разработки единого языка впервые встал в 1925 г., а спор о г. Владикавказе обострил его. В 1928 г. ингуши, члены ВЦИК и ЦИК СССР С. Бузуркиев и К. Сапралиев написали М.И. Калинину, что «вопрос о передаче г. Владикавказа Северной Осетии вызвал недовольство и напряжение в отношениях ингушских масс к Северной Осетии» [26, с. 49].

Мотивируя тем, что «дальнейшее социальное и культурное развитие Ингушетии связано с г. Владикавказом в большей степени, чем Северной Осетии», тем, «что г. Владикавказ расположен на месте бывшего ингушского села Заур», представители Ингушетии протестовали против передачи г. Владикавказа Северной Осетии и настаивали на его передаче Ингушской области.

В итоге было принято компромиссное решение – город передали Северной Осетии, но он оставался административным центром Ингушетии. Видимо, в качестве компенсации область предполагалось объединить с родственной Чечней, более материально состоятельной за счет нефтедобычи.

15 января 1934 г. Президиум ВЦИК издал постановление об объединении Ингушской и Чеченской автономных областей и образовании единой Чечено-Ингушской автономной области с центром в г. Грозном.

Таким образом, Советский центр вывел взаимоотношения с ингушским обществом на качественно иной уровень. Он начал искусственное формирование новой элиты, призывать ингушей в Красную армию и создавать условия для ликвидации неграмотности населения, формирование профессиональных и научных кадров из числа ингушей.

Список литературы

1. Казачество России. Историко-правовой аспект. – С. 78.
2. ГАРФ. Ф.А 296. – Оп. 1. – Д. 464. – Л. 48.
3. Национальная политика России: история и современность. – С. 290.

4. Культурное строительство в Северной Осетии: Сборник документов и материалов. – Орджоникидзе, 1974. – Т. 1. – С. 238.
5. ЦДНИРО. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 383. – Л. 127.
6. Джамбулатова З.К. Культурное строительство. – С. 106–107.
7. ЦГА ЧИАССР. – Ф. 81. – Оп. 1. – Д. 105. – Л. 34.
8. ЦДНИРО. Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 465. – Л. 34.
9. Новикова В.Л. Указ. соч. – С. 28.
10. Новикова В.Л. Указ. соч. – Д. 606. – Л. 40.
11. Хлынина Т.П. Проблемы истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 20–30-е гг. XX в. // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. – Ростов н/Д, 2007. – С. 136.
12. ГАРФ. Ф. Р-1235. – Оп. 118. – Д. 25. – Л. 5 об.
13. ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. – Кн. 1. – С. 186.
14. ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. – Кн. 1. – Л. 87.
15. ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. – Кн. 1. – Д. 378. – Л. 19.
16. ГАРФ. Ф. Р-1235. – Оп. 122. – Д. 85. – Л. 245.
17. ГАРФ. Ф. Р-1235. – Оп. 122. – Д. 85. – Л. 258.
18. ЦДНИРО. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 835. – Л. 27.
19. ЦДНИРО. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 835. – Л. 28.
20. ЦДНИРО. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 835. – Л. 28–29.
21. ЦДНИРО. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 835. – С. 543.
22. ЦДНИРО. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 835. – С. 86.
23. Культурное строительство в Северной Осетии. – Т. 1. – С. 70.
24. ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. – Кн. 1. – С. 223.
25. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920 – июнь 1941 г.): Сборник документов и материалов. – Грозный, 1979. – С. 86.
26. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. – С. 49.